

Д.С. КРЫСЕНКО¹

¹Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко, Луганск

НЕОКОНСЕРВАТИЗМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ Р.РЕЙГАНА (1980-е гг.)

Аннотация. В статье определены основные подходы к анализу процессов формирования внешней политики США в период 1980-х гг.; установлена эволюция геостратегической конфигурации мира в течение заключительного периода «холодной войны». Определены концептуальные, функциональные и политические особенности разработки и реализации внешнеполитической стратегии США. Выявлена тактика, позволившая администрации Р. Рейгана одержать победу над СССР в ходе системного противостояния. Систематизированы глобальные, региональные и национальные составляющие «большой стратегии» Р. Рейгана и причины её победного воплощения в политическую практику; выяснены внутренние мотивы ставки Белого дома на разработку и внедрение антикоммунистической стратегии. Проведён анализ политического курса Р. Рейгана относительно СССР как основной составляющей глобальной стратегии США, направленной на обеспечение условий для реализации «американской мечты», заложенной в идеологии «явного предназначения».

Ключевые слова: США, СССР, «холодная война», идеология.

D.S. KRYSENKO¹

¹Lugansk State University named after Taras Shevchenko, Lugansk

NEOCONSERVATISM IN FOREIGN POLICY OF RONALD REAGAN (1980's)

Abstract. The basic approaches to the analysis of the formation of US foreign policy during the 1980's has been searched in the article; evolution of geostrategic configuration of the world during the final period of the Cold War has been analyzed. Conceptual, functional and political peculiarities of the development and implementation of US foreign policy strategy has been defined. A tactics that allowed by the R. Reagan administration would have on the victory over the Soviet Union in the course of systematic opposition has been revealed. Global, regional and national components of the R. Reagan's «grand strategy» has been systematized and the reasons for its victory in the embodiment of political practice; the internal rate of White House motives for the development and implementation of the anti-communist strategy has been clarified. The analysis of R. Reagan's policy toward the Soviet Union as the main component of the US global strategy aimed at ensuring conditions for the implementation of the «American Dream», rooted in the ideology of «manifest destiny» has been provided.

Keywords: the USA, the USSR, «Cold War», ideology.

Имя Рональда Рейгана неразрывно связано с выходом США из психологической апатии и экономической депрессии 1970-х гг. а также с победой над СССР в «холодной войне». Сущность данного феномена, вопрос его истоков, хода и завершения американско-советского конфликта привлекают особое внимание как отечественных, так и зарубежных авторов. Наряду с общей тематикой, внимание исследователей привлекают и более узкие направления и аспекты внешней политики противоборствующих сторон. В частности, заметное место принадлежит вопросу роли идеологии как двигателя активности Соединённых Штатов на мировой арене. Среди американских авторов таких работ следует назвать М. Гиллеспи, Р. Пирарда, Б. Формера, С. Халпера, Дж. Харта [24, 29]. Своё внимание они сосредоточили на анализе причин и сущности изменений в общественно-политической жизни США,

состоявшихся на рубеже 1970-х – 1980-х гг., исследуя генезис неоконсерватизма и стремясь выявить его идейно-теоретическую почву. Кроме упомянутых авторов, труды этой тематики, которые могут быть приняты во внимание и как первоисточник, принадлежат Р. Такеру [35], которого американские неоконсерваторы считают одним из своих идеологов. В советской историографии качественные исследования социально-философских основ неоконсерватизма и взглядов американских руководителей 1980-х гг. были осуществлены К. Гаджиевым, В. Супруном, Т. Фадеевой, В. Савельевым, С. Поршаковым, К. Алимовым, Ю. Замошкиным, М. Полищуком и С. Овчинниковой [1, 3, 8, 15]. В наши дни научные круги сохраняют стойкий интерес к внешней политике США, однако внутренние предпосылки её формирования раскрыты в недостаточной мере. Итак, целью данной статьи является анализ идеологической основы политики администрации Р. Рейгана, предметом – её философско-теоретическая сущность и факторы формирования.

Среди американских авторов бытует мнение о том, что усилению идей гегемонизма и исключительности конца XX в. предшествовали годы, когда в их стране господствовали настроения окончания «американского века» и наступления конца американской исключительности, что было связано с поражением в Индокитае и «вьетнамским синдромом» [21, с. 125]. Преодолеть последний была призвана «неоконсервативная коалиция», возглавляемая Р. Рейганом: «Я хочу возродить роль США как лидера свободного мира», – такое заявление было сделано им в своей инаугурационной речи 1980 г. [31, р. 36]. Созданная им администрация была убеждена, что мир необходимо сделать удобным и выгодным для США; представляемые им круги включали, в основном, «шестидесятников», психологически подверженных «вьетнамскому синдрому», а потому стремившихся доказать геополитическую полноценность своей страны. Большинство этих деятелей отличались повышенной идеологизированностью и непримиримостью. Так, государственный секретарь США Дж. Шульц, выступая в сенатской комиссии по иностранным делам, заявлял: «Америка после Вьетнама отступила на время от своей активной руководящей роли... Сегодня цикл начинается снова. Америка вновь обрела силу и уверенность в себе... Америка снова имеет возможность влиять на развитие событий, а традиционные цели и ценности Америки не претерпели никаких изменений. Наша обязанность заключается в том, чтобы формировать возникающие тенденции в соответствии с нашими идеалами и интересами, помогать в развитии новой структуры международной стабильности, которая обеспечит мир, процветание и свободу будущим поколениям. В этом и состоит задача внешней политики США на следующие годы» [22, р. 13].

Существенную роль в теоретическом обосновании консервативного поворота, подготовке предвыборной платформы Р. Рейгана на президентских выборах 1980 г., а также в разработке рекомендаций для республиканской администрации 40-го президента США сыграли «фабрики мысли» или «мозговые тресты» – научно-исследовательские центры, работающие как по контракту с правительственными ведомствами, так и проводящие формально независимые расследования. С середины 1970-х гг. консервативные «мозговые тресты», которые представляют собой разветвлённую сеть, во всё больших масштабах начали влиять на выработку политического курса республиканцев. Ни один период американской истории не вызывал такого всплеска теоретического поиска и научно-исследовательской активности «фабрик мысли», игравших роль генераторов консервативных идей и консультационных центров при Республиканской партии. Старейшим среди «мозговых центров» консерваторов, непосредственно связанные с разработкой стратегии рейгановской администрации, был Гуверовский институт войны, революции и мира при Стэнфордском университете в Пало-Альто, в Калифорнии, основанный ещё в 1919 г. на пожертвования 31-го президента США Герберта Гувера. Изначально деятельность этого центра ограничивалась сбором материалов о Первой мировой войне и революционных движениях. Основу обширной библиотеки и архива института составили документы, вывезенные из советской России. Позже, расширив свои функции, институт занялся сбором

документов о международных отношениях и политических движениях в Европе и странах «третьего мира», превратившись в национальный центр по сбору материалов и исследований по проблемам политических, социальных и экономических изменений в XX в. Однако основным направлением в деятельности института были исследования и публикации, направленные на борьбу с учением Карла Маркса; первоочередное внимание в тематике научных исследований института занимали разработки в отношении Советского Союза и социалистических стран [9, с. 6].

Сотрудниками института была сформулирована версия теоретического обоснования антикоммунистического «силового глобализма», который расценивался как средство для восстановления роли США в качестве бастиона демократии и свободы и который был положен в основу внешнеполитической стратегии «рейганизма». Разработанная Советом национальной безопасности при участии дипломатических, военных, разведывательных ведомств и научно-исследовательских центров, стратегия национальной безопасности предусматривала, прежде всего, поддержание безопасности страны с помощью боеспособных вооружённых сил, ускорение экономического оживления в США и содействие развитию демократии за рубежом. Отличительной чертой «доктрины Рейгана» выступила высокая степень идеологизации, эскалация конфронтации, акцентирование внимание на том, что по сравнению с ценностями неоконсервативной идеологии всё остальное представляет собой антиценности. Трендовыми идеями данного периода выступали уникальность американского образа жизни и универсальность американских ценностей; как политическая элита, так и рядовые американцы разделяли идею мировой гегемонии и восстановления величия своей страны.

Существование Союза ССР, социалистического содружества и развивающихся стран, заявлявших о своём социалистическом выборе, определяло биполярность мирового порядка, существенно влияя на разработку военно-политической стратегии США, считавших весь мир сферой своих жизненных интересов. Анализируя внешнеполитическую сущность идеологии «рейганизма», можно согласиться с А.Ю. Мельвилем, который доказывает, что она основывается на трёх постулатах: воинствующем антикоммунизме, силовом глобализме и возрождении стратегии «сдерживания» СССР [11, с. 115]. Это означало, что «главную опасность» в мире, которую нес коммунизм, имела возможность сдерживать только Америка, исходя из чего она должна была взять на себя глобальную ответственность и осуществлять «сдерживание» Кремля и «мирового коммунизма». На рубеже 1970-х – 1980-х гг. СССР размещал свои контингенты и ракеты СС-20 в большинстве стран Восточной Европы; в 1979 г. установил своё военное присутствие в Афганистане и непосредственно принял участие не менее чем в десяти региональных конфликтах (в Анголе – с 1975 г., в Сомали и Эфиопии в 1976–1978 гг., между Кувейтом и Ираном в 1984 г., между Вьетнамом и Китаем в 1979 г., между Мозамбиком и Родезией в 1976–1978 гг., между Ираком и Ираном с 1979 г., Никарагуа с 1980 г., Мозамбиком и Южной Африкой в 1981–1984 гг., Анголой и Южной Африкой в 1981–1984 гг.). Учитывая это, в рядах неоконсерваторов существовала уверенность в жизненной необходимости наращивания военной мощи, поскольку речь шла о выборе между жизнью и смертью для США из-за существования «красной угрозы» [25, р. 57-69].

Осуществлённый сотрудниками ЦРУ анализ стратегии в отношении СССР привёл их к выводу о необходимости принципиальных изменений: согласно поданным в президентский кабинет рекомендациям, следовало не противодействовать сильным сторонам Советского Союза, а искать его слабые места и концентрированно наносить по ним удары. Специалистами были проведены расчёты, по которым разрушение СССР с помощью лишь военного давления было невозможным, требуя комплекса политических, социальных и экономических мер воздействия, получивших название программы «демократии и публичной дипломатии» [20, с. 68]. Для достижения этой цели Соединённые Штаты также поддерживали диссидентское движение в СССР. С учётом этого было дано распоряжение о

разработке нового плана действий против Советского Союза, в связи с чем был подписан ряд директив, направленных не на сосуществование, а на реализацию изменений в нём.

Для периода первой администрации Р. Рейгана (1981–1984 гг.) отношениям СССР и США была характерна чрезмерная агрессивность и диалог только с позиции силового превосходства Вашингтона. В начале 1980-х годов, считая Советский Союз «империей зла», Р. Рейган призвал страны капиталистического мира объединиться для её уничтожения [17, с. 548]. Выступая в июне 1982 г. вперед членами британского парламента, Р. Рейган утверждал: «Наша военная мощь – это предварительное условие мира, должно быть ясно, что мы держим эту мощь с надеждой, что она никогда не будет использована; последним решающим фактором в нынешней войне будут не бомбы и ракеты, а соревнования умов и идей, духовных решений, ценностей, которыми мы обладаем, убеждений, которых мы придерживаемся, идеалов, которым мы привержены» [17, с. 549]. Анализируя эту речь, консультант программы внешнеполитических исследований Брукинского института, профессор Гарвардского Университета У. Кауфман в книге «Умная оборона» признавал, что «...в определённых кругах бытует мнение, что администрация постоянно преувеличивает угрозу, исходящую из Советского Союза... «выкручивая руки» и демонстрируя на переговорах с СССР непримиримость» [26, р. 32]. Согласно мемуарам самого Р. Рейгана, через две недели после данного выступления, им было принято решение о начале разработки Стратегической оборонной инициативы (СОИ) и постановке перед учёными задачи решения грандиозных технических проблем, существовавших в этой связи [26, р. 566].

Президент был убеждён, что усиление обороны было ключевым моментом в восстановлении уважения к США членов мировой общественности. В этот период военное руководство США смотрело на возможную ядерную войну как серию обменов «дозированными» ударами различных масштабов, растянутых во времени. Детализацию теоретических аспектов новой военной доктрины Рейган поручил своему коллеге и другу К. Уайнбергеру, назначенному на должность министра обороны. Он, в частности, обосновал необходимость и возможность ведения длительной (до 4–6 месяцев) ядерной войны против СССР, и поставил задачу создания условий для «длительного выживания ядерных сил» [28]. Следует отметить, что Рейган имел существенно отличавшиеся от его предшественников на президентском посту «ядерные взгляды», – оружие массового поражения должно было перестать выступать лишь фактором «сдерживания» Советского Союза. Прежде всего, оно должно было втянуть Москву в очередной виток гонки вооружений, которая могла стать «могильной плитой» социалистической экономики. Советники Рейгана считали, что Кремль не сможет пропорционально отреагировать на американский вызов.

Администрация США целенаправленно отказывалась возобновлять любые переговоры с Советским Союзом об ограничении вооружений, прежде всего ядерных. Следует подчеркнуть, что практически все сотрудники администрации Рейгана были едины в том, что соотношение сил между США и СССР, сложившееся в начале 1980-х гг., было для их государства крайне невыгодным. В ходе беседы с советским послом 5 февраля 1981 г. государственный секретарь А. Хейг прямо сказал, что Рейган «безусловно связал себя с курсом на резкое повышение военных расходов. Это приоритет во внутренней и внешней политике администрации, ведь она полна решимости ликвидировать «отставание США» в этой области от СССР» [13, с. 138-154].

Однако о путях изменения этого баланса в кругах американской администрации существовали разные мнения. В частности, в Государственном департаменте считали, что в интересах США, во-первых, соблюдать условия договорённостей с СССР по стратегическим вооружениям периода 1970-х гг. И, во-вторых, как можно скорее начать переговоры по новому соглашению. В министерстве обороны, наоборот, не считали нужным спешить с началом новой фазы советско-американского диалога. Для преодоления стратегического преимущества, которое, по их мнению, имел Кремль, США должны были не жалеть ни сил, ни средств – не останавливаясь при этом и перед нарушением тех обязательств в

стратегической сфере, которые взяли на себя ранее. Очевидно, что реализация замыслов Пентагона (новый виток гонки стратегических вооружений, отказ от соблюдения имеющихся договорённостей, выдвижение заведомо неприемлемых предложений на переговорах) должна была ликвидировать те двусторонние режимы контроля над стратегическими вооружениями, которые были созданы в течение 1970-х гг. [14, с. 30-40].

Следует отметить, что обструкция республиканцев вызвала в мире (в том числе и в самой Америке) широкий негативный резонанс, который заставил администрацию изменить тактику и возобновить диалог. Перед американской дипломатией стояла сложная задача, состоявшая в изменении стратегического баланса в пользу США и ослаблении советской стороны. В результате напряжённой дискуссии в вашингтонских «коридорах власти» было достигнуто компромиссное решение, согласно которому американская официальная позиция на предстоящих переговорах с Советским Союзом должна была предусматривать исключительно сокращение боеголовок и пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет, которые составляли основу советской стратегической мощности [16, с. 31-39]. Сокращать количество стратегических бомбардировщиков (в которых США имели преимущество) американская сторона не предполагала совсем. Фактически, Москве предлагали разоружиться в одностороннем порядке, в то время как Вашингтон должен был иметь возможность беспрепятственно осуществлять все свои полномасштабные стратегические программы.

Что касается советского руководства, то последнее чувствовало серьёзную обеспокоенность по поводу военной политики новой американской администрации. Программа стратегического перевооружения США была воспринята в Москве как попытка сломать паритет и обрести потенциал для победной войны. «Надо сказать, что президентство Рейгана вызвало у нашего руководства, в частности, Андропова и Устинова, впечатления и даже уверенность в том, что новая администрация США активно готовится к возможности ядерной войны, – вспоминал А.Ф. Добрынин» [2, с. 15]. Тем не менее советские лидеры понимали, что переговорам между двумя сверхдержавами нет альтернативы. Свои представления о взаимоотношениях США и СССР были изложены в открытом письме Л.И. Брежнева к Рейгану. Речь шла в нём о том, что советское руководство выступает за нормальные и хорошие отношения с США; советская сторона готова продолжать без промедления соответствующие переговоры по ограничению вооружений и их сокращению – с сохранением всего положительного, что было достигнуто в этой области раньше.

Завязавшаяся между лидерами двух сверхдержав личная переписка не смогла повлиять на ситуацию: доверия между ними так и не возникло. Официальные контакты также были сведены к минимуму – первая встреча глав внешнеполитических ведомств СССР и США состоялась лишь в сентябре 1981 г., т.е. через восемь месяцев после прихода к власти новой администрации. Впрочем, даже эта запоздалая встреча ознаменовалась скандалом: А.А. Громыко не получил традиционного приглашения на встречу с президентом Рейганом. Диалог между советской и американской элитами всё больше сводился к взаимным публичным обвинениям в «агрессивности» и «подготовке ядерной войны». В этих условиях, советско-американские переговоры по размещению в Европе ядерных ракет, 30 ноября 1981 г. всё же начавшиеся в Женеве и продолжавшиеся до начала зимы 1983 г., априори не могли иметь положительных последствий. В основу американского подхода был положен «нулевой вариант» Рейгана, согласно которому США отказывались от размещения ракет в Европе в обмен на ликвидацию советской стороной своих ракет средней дальности – СС-4, СС-5 и СС-20. Для СССР такой вариант тогда был категорически неприемлем: фактически, американские политики были нацелены на создание тупика, и становилось очевидным, что они пошли на переговоры не для ограничения ядерных вооружений, а для того, чтобы выиграть время.

«Градус» антисоветских настроений в Белом доме повышался и в связи с принципиальной политикой, которую Кремль проводил в странах Восточной Европы.

Наибольшее значение из них имела Польша, где из-за активизации оппозиции 13 декабря 1981 г. было объявлено военное положение. Для администрации США это событие оказалось поворотным моментом, и вскоре была развёрнута деятельность, имевшая своей целью подрыв основ советской государственности. В течение следующих нескольких месяцев были подписаны тайные директивы, в которых отображались принципы политики США: ослабление могущества СССР, а также призыв к масштабной экономической войне против него, поддержка оппозиции в других странах социалистического содружества. В декабре 1981 г. американская администрация объявила о введении дополнительных санкций против СССР: были приостановлены рейсы «Аэрофлота» в США, закрыта советская закупочная комиссия в Нью-Йорке, прекращены поставки нефтегазового оборудования, прекращён экспорт зерна, было отказано в возобновлении соглашения по энергетике и научно-техническому сотрудничеству.

В этих условиях контакты между главами внешнеполитических ведомств двух стран, продолжавшихся и после декабря 1981 г., не повлекли позитивных сдвигов в советско-американских отношениях. Определённые надежды на оптимизацию переговорного процесса связаны с отставкой 25 июня 1982 г. А. Хейга и его заменой Дж. Шульцем, который придавал большое значение диалогу двух сверхдержав, но в той повестке дня, которая была им сформулирована после вступления в должность, контроль над вооружениями занял далеко не первое место. На первое место была выдвинута проблема прав человека, причём в соответствии с рейгановским агрессивным-консервативным стандартом, а не с абстрактно-общечеловеческой трактовкой Картера. Для Шульца эта тема стала тем знаменем, под которым США должны были перейти в решительное наступление на позиции СССР – в мире и в нём самом. Позиция Шульца предусматривала решительный отход от самой концепции разрядки, согласно которой диалог по стратегическим проблемам был основой отношений.

В этих условиях советская и американская делегации на переговорах по стратегическим вооружениям, продолжившимся в Женеве, вряд ли могли добиться даже незначительного продвижения, не говоря уже о концептуальном прорыве. Что ещё хуже, назначив Э. Рауни главой американской делегации на переговорах, Белый дом сделал крайне неудачный кадровый выбор – даже на фоне других представителей новой администрации Рауни отличался своей патологической русофобией. По его мнению, американские дипломаты на переговорах должны были не искать взаимовыгодных компромиссов с Москвой, а «выкручивать ей руки». Неудивительно, что диалог фактически свёлся к обмену пропагандистскими ударами. Когда председатель советской делегации В. Карпов объявил на первом заседании предложение своего государства относительно «замораживания» стратегических ядерных вооружений, Рауни заявил, что он даже не будет сообщать о нём в Вашингтон, ведь результат уже давно известен – «нет». США, по словам Рауни, не могли принять предложение о замораживании, поскольку их цель – добиться одновременного сокращения советских ядерных сил и модернизации американских, поскольку только так можно обеспечить стабильность. Советский Союз предлагал Соединённым Штатам симметричное сокращение стратегических сил в Европе: они должны были отказаться от дислокации на европейском континенте «Першингов», а СССР взамен должен был сократить число своих ракет СС-20 базированных на запад от Урала до суммарного количества аналогичных ракет Англии и Франции (162 единицы), остальные же вывезти в Сибирь. Однако американцы отвергли этот вариант, считая, что в случае необходимости вернуть ракеты из-за Урала будет гораздо проще, чем доставить их из-за океана. К тому же появление советских ракет в Азии, с точки зрения американцев, могло угрожать Японии и подтолкнуть к усиленному вооружению Китай [18, с. 19-31].

Тупик на переговорах устраивал вашингтонских «ястребов», но он перестал устраивать администрацию в целом – прежде всего из-за позиции общественности и приближения следующих выборов. Проблема предупреждения ядерной войны, ограничения и сокращения ядерных вооружений становилась всё более актуальной, и в Белом доме не

могли себе позволить игнорировать рост массовых пацифистских настроений. Возможный выход из тупика и на переговорах по стратегическим вооружениям, и в советско-американских отношениях вообще, американский истеблишмент видел в концепции «строительства вниз». Сутью этого плана, предложенного группой сенаторов, было сокращение обеими сторонами нескольких старых боеголовок в обмен на каждую принятую новую. Рейгану концепция пришлась по душе: модернизация и наращивание ядерной мощи США могло выдаваться за предложения по сокращению стратегических вооружений. План мог бы стать основой для будущей договорённости с СССР, впрочем, осенью 1983 г. отношения двух государств достигли своей низшей точки – из-за вторжения американских войск в Гренаду и Ливан. В конце ноября началось развёртывание американских крылатых ракет и ракет средней дальности «Першинг-2» на территории западноевропейских участников НАТО. Вместе с тем Рейган неизменно подчёркивал, что все усилия в области военного строительства осуществляются им исключительно с целью адекватного ответа на колоссальное наращивание военной мощи со стороны СССР, обеспечения обороноспособности США и предупреждения глобального конфликта. «На протяжении моей жизни, – указывал Рейган в радиообращении к нации от 23 марта 1983 г. – прошли две мировые войны. Мы не начинали их, ...сделали всё возможное, чтобы избежать их. Но мы не были подготовлены, ...были бы мы лучше готовы, мир был бы сохранён» [30]. Впрочем, символом этого периода «холодной войны» можно с полным правом считать «шутку» Рейгана в прямом эфире американского телевидения: «Дорогие соотечественники, я рад сообщить вам, что только что я подписал указ, навеки ставящий Россию вне закона. Ядерная бомбардировка начнется через 5 минут» [32].

Кризис в советско-американских отношениях, который начался в 1979 г. и достиг пика в 1983-м, сопровождался кризисом тех двусторонних институтов, которые были созданы в период разрядки. Встречи в верхах, продолжившиеся летом 1982 г., касались ограничения стратегических вооружений, однако, сотрудничество двух государств в рамках большого количества двусторонних соглашений было или заморожено, или существенно ограничено. Советско-американские институты деградировали до того уровня, на котором они находились в разгар «холодной войны» [19, с. 7-12].

Возобновление диалога США и СССР связывается с именем М.С. Горбачёва, однако такие попытки делались и его предшественниками. В частности, советская сторона выдвигала инициативы восстановления диалога в течение всего 1984 г. 17 июля была принята первая с 1979 г. межправительственная нота об организации факсимильной связи в дополнение к действующей телеграфной линии прямой связи, созданной ещё в 1963 г. Было также принято соглашение по консульским вопросам, начались переговоры по культурным обменам. Итак, летом 1984 г. наметились признаки некоторой «оттепели» в отношениях между Москвой и Вашингтоном, причём, советская элита (Громыко, Андропов, Черненко) была единой в желании преодоления рейгановской «холодной войны» и возвращения к разрядке, хотя в СССР сомневались в возможности добиться этого при Рейгане.

После выборов 1984 г. было распространено совместное советско-американское заявление о согласии начать новые переговоры с целью достижения взаимоприемлемого соглашения по всему комплексу вопросов, касающихся ядерных вооружений. Для выработки общего понимания предмета и целей переговоров, 7–8 января 1985 г. в Женеве встретились министр иностранных дел СССР А.А. Громыко и госсекретарь США Дж. Шульц. Предметом этих переговоров должен был быть комплекс вопросов, касающихся ядерных вооружений – межконтинентальных и средней дальности [6, с. 592-593].

Дальнейший переговорный процесс упрощался с учётом того, что в марте 1985 г. произошла ротация руководства в Москве и смена настроений в Вашингтоне. К власти в СССР пришёл Михаил Горбачёв, стремившийся к сокращению военных расходов, а Рейган решил сменить роль «великого обличителя» на «великого миротворца». 12 марта 1985 г. эти переговоры, наконец, стартовали, и оба лидера встретились в Женеве. Было ясно, что СССР

больше не в состоянии финансировать «холодную войну», а США скатывались к банкротству. Оба государства вынуждены были признать необходимость разоружения, но у сторон были разные взгляды на будущий ядерный баланс. Встреча была перегружена идеологическими дебатами: в своих мемуарах М.С. Горбачёв назвал первую беседу двух лидеров диспутом «коммуниста № 1» с «империалистом № 1» [4, с. 14]. Впрочем, Горбачёв проявил готовность идти на односторонние уступки, подтвердив своё согласие 50% сокращением стратегических наступательных вооружений. Положительным моментом переговоров было заявление лидеров о невозможности победы в ядерной войне и отказ от стремления достичь военного превосходства. Оказались возможными договорённости по ряду других вопросов: продолжение на регулярной основе обмена мнениями по региональным проблемам, расширение программы двустороннего сотрудничества в области культуры, науки и техники. На этом основании в течение следующих нескольких лет сторонам удалось не только в полном объёме восстановить двусторонние режимы, созданные в период разрядки, но и создать новые. Однако важнейшим результатом женевской встречи было то, что именно тогда между двумя лидерами было «установлен мостик», и переломным моментом здесь было взаимное предложение посетить противоположную страну [4, с. 17].

Итак, новый советский лидер продемонстрировал готовность идти на дальнейшие односторонние уступки. Уже тогда, в первые месяцы пребывания у власти, проявились такие черты его личной дипломатии, как податливость к внешнему давлению и неспособность контролировать свои эмоции [34, р. 314]. До 1986 г. СССР демонтировал 540 стратегических носителей – почти втрое больше, чем США. По мнению Рейгана, подобная уступчивость Горбачёва объяснялась кризисным состоянием, в котором находилась советская экономика. Из-за этого, в конце мая 1986 г. по предложению министра обороны К. Уайнбергера, Рейган объявил о намерении отказаться от соблюдения договорённостей ОСВ-1 и ОСВ-2. В своём личном послании к Рейгану 15 сентября 1986 г. Горбачёв констатировал, что по ключевым проблемам разоружения, «никакого движения за почти год после Женевы нет», подчеркнув, что переговоры «ни к чему не приведут, если мы с вами не вмешаемся лично» [33, р. 679]. Неожиданно быстро Рейган дал согласие на встречу, предложив столицу Исландии в качестве места для её проведения. По состоянию на середину 1980-х гг. геополитические и экономические позиции СССР и США были примерно равными, однако американский лидер, в отличие от своего советского коллеги, был настроен на продолжение жёсткой и неуступчивой линии, соответствующей интересам его страны. В ходе советско-американской встречи, которая проходила 11–12 октября 1986 г., инициатива была в целом на стороне США: Генеральный секретарь соглашался почти на все предложения, которые выдвигала американская сторона. В частности, ему предлагалось сократить на 50% советские тяжёлые межконтинентальные баллистические ракеты; на 100% ракеты, базирующиеся в Европе (без учёта ядерных средств Англии и Франции) и согласиться на продолжение американской стороной лабораторных исследований в рамках Стратегической оборонной инициативы при сохранении действия договора о противоракетной обороне [12, с. 222-229]. В ответ СССР приглашал США подтвердить действенность Договора ПРО 1972 г., который накладывал ограничения на развёртывание противоракетных систем в СССР и США. Согласившись с М. Горбачёвым в этом вопросе, Р. Рейган должен был отказаться от планов разработки системы СОИ, чего и добивалась советская сторона вместо уступок, на которые она была согласна. Однако Рейган слишком «дорожил» программой СОИ, потому оказался не готов принять советские предложения. Рассмотрев их, США предложили в течение 10 лет вообще уничтожить советские и американские МБР, оставив на вооружении обоих государств только ракеты среднего радиуса действия, но одновременно пойдя на создание систем ПРО, способных от таких ракет защищать. В ответ на такое предложение Москва выдвинула идею ликвидировать за 10 лет ядерное оружие вообще, ограничив создание систем ПРО лабораторными испытаниями в течение этого десятилетия. По мнению

Рейгана, СОИ не могла быть предметом торга, эта программа должна была заставить руководителей СССР пересмотреть оценки способности советской экономической системы к соперничеству, и усилить мнение о необходимости окончательной её трансформации в рыночную сторону [23, с. 111]. Сторонники СОИ настаивали на переориентации американского стратегического инвестирования, а иллюстрация относительных преимуществ в высоких технологиях должна была, по их мнению, убедить Москву в том, что Вашингтон опережает её на целое технологическое поколение [27, р. 40-41].

Итак, встреча в Рейкьявике принесла противоречивые результаты: дипломаты обеих стран вынесли из неё твердое убеждение, что советско-американский компромисс возможен, хотя условия для него не созрели [7, с. 162-163]. Военные же лидеры, расценивали её как шаг на пути усиления конфронтации. В частности, руководство Пентагона не оставляло попыток так или иначе подорвать режим контроля над стратегическими наступательными вооружениями. 28 ноября 1986 г. в боевой состав ВВС США был введён 131 тяжёлый бомбардировщик Б-52, оснащённый крылатыми ракетами большой дальности. Тем самым, американская сторона перешла предусмотренный договором ОСВ-2 суммарный лимит для стратегических носителей. «Решение увеличить арсенал своих стратегических средств, перечеркнуть Договор ОСВ-2 продиктованы ни чем иным, как стремлением Вашингтона сломать военный паритет между СССР и США, обеспечить себе военное превосходство», – говорилось в заявлении советского правительства от 5 декабря 1986 г. На следующем раунде состоявшихся между Рейганом и Горбачёвым в ходе визита последнего в Вашингтон в декабре 1987 г., успех американской стороны был более очевидным. Основное внимание было уделено ракетам средней дальности. Успешное продвижение на этом переговорном треке объяснялось, главным образом, односторонними уступками Москвы. В результате, было подписано соглашение о ликвидации ракет средней и малой дальности. Это было первое советско-американское соглашение, которое предусматривало не «ограничения», и не «контроль», а полную ликвидацию сразу двух классов ядерных вооружений – ракет средней и малой дальности. При этом СССР отказался от требования увязки вопроса о ракетах с вопросом о СОИ. Предусмотренные меры верификации были абсолютно беспрецедентными: кроме обмена данными о ракетах, стороны должны были проводить инспекции в операционные базы [5, с. 534-549]. После выполнения условий договора в Западной Германии осталось около 400 единиц американских ракет, которые, правда, не могли достигать территории Советского Союза, но могли поражать цели на территории союзных СССР восточноевропейских социалистических стран. Существенной уступкой со стороны СССР было также фактическое согласие на то, что не должны были ограничиваться крылатые ракеты морского базирования большой дальности, в которых США имели преимущество.

Таким образом, в течение своего второго срока пребывания на президентском посту Рейган был вынужден серьёзно пересмотреть свои подходы к советско-американским отношениям, и прежде всего, в сфере контроля над вооружениями. Идя к власти с твёрдым намерением ликвидировать СССР, осуществив серию практических шагов, которые вели к эрозии режима двусторонних отношений, президент, наконец, в значительной мере способствовал их укреплению и даже созданию такого принципиально нового механизма, как режим контроля над стратегическими ядерными вооружениями. При этом отказ СССР от «доктрины Брежнева» привёл к распаду содружества социалистических стран и появлению единой Германии, резкому сокращению военной мощи СССР [10, с. 4]. Причиной этого, во многом, была политика США во главе с Р. Рейганом. Анализируя весь период его пребывания на должности президента, отметим, что суть его внешнеполитической доктрины была определена в рамках политического концепта, связанного с первичностью противодействия главному идеологическому оппоненту – Советскому Союзу – над всеми другими государственными целями и задачами. С приходом к власти Рейгана идея американской исключительности перешла в русло практической стратегии. Идеино-

политическое наступление выступило главной чертой его президентства.

Относительно СССР, доктрина Рейгана имела главной целью приведение советской политической системы к радикальным реформам; идея глобальной демократизации в рамках практической реализации доктрины Рейгана состояла в недопущении к власти или отстранении от неё представителей и адептов марксистской идеологии. Как результат, в конце 1980-х гг. мир стал монополярным: одержав победу над СССР, США закрепили за собой статус единственной сверхдержавы. Для достижения этой цели были использован спектр многосторонних действий: экономическое и идеологическое влияние, локальные военные конфликты. Таким образом, дезинтеграция СССР выступила победой неоконсервативной идеологии и победой Запада в «холодной войне».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов К.З. Идеологические установки внешней политики США и международное право. Ташкент: Фан, 1988.
2. Батюк В.И. Почему Г. Трумэн «пощадил» СССР // Военно-исторический журнал. 1996. №3.
3. Гаджиев К.С. Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии / Камалудин Серажудинович Гаджиев. М.: Наука, 1982.
4. Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. М.: Новости, 1995.
5. Действующее международное право / Сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. Т. 2. М.: МНИМП, 1997.
6. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996.
7. Дубинин Ю.В. Время перемен. Записки посла в США. М.: АВИАРУС-XXI, 2003.
8. Замошкин Ю.А. Личность в современной Америке: опыт анализа ценностных и политических ориентаций. М.: Мысль, 1980.
9. Кобринская И.Я. «Мозговые тресты» и внешняя политика США. М.: Международные отношения, 1986.
10. Масиновский В.Е., Скакунов Э.И. Политические конфликты в современных условиях // США – экономика, политика, история. 1995. № 4.
11. Мельвиль А.Ю. США – сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США в 80-х годах. М.: Наука, 1986.
12. Мэтлок Дж. Рейган и Горбачёв: как закончилась «холодная война»... и все выиграли. М.: Валент, 2005.
13. Первые письма с «холодной войны» // Международная жизнь. 1990. № 11.
14. Печатнов В.О. Советский Союз глазами американской разведки в 1950–1980-е годы // Новая и новейшая история. 1996. № 3.
15. Поршаков С.А. Идейно-политическая эволюция республиканской партии // Проблемы американистики. № 6: Современный этап кризиса ГМК в США: экономика, политика, идеология. М.: МГУ, 1988.
16. Поттер У. Тактическое ядерное оружие: постановка проблемы и некоторые рекомендации // Ядерный контроль. Июль-август 2000. № 4.
17. Рейган Р. Жизнь по-американски. М.: Новости, 1992.
18. Соков Н.Н. Многополюсный мир в зеркале теории международных отношений // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 7-8.
19. Тренин Д.В. Третий возраст; российско-американские отношения на пороге XXI века // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 2.
20. Шагов А.Е. Исторический опыт организации и проведения вооруженными силами США психологических операций в ходе локальных войн и вооруженных конфликтов в 1980-2000 гг.: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2004.

21. Шаклеина Т.А. Концепции внешней политики США после окончания холодной войны: Дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04. М., 2003.
22. Department of State bulletin [85] / [by Department of State]. Washington, D.C.: Office of Public Communications, Bureau of Public Affairs, 1985.
23. Garthoff R. The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1994.
24. Gillespie M. Religion and the resurgence of Conservatism // The resurgence of Conservatism in Anglo-American democracies. Ed. by Cooper B. Durhame, London: Duke University Press, 1988.
25. Kagan R., Kristol W. The Present Danger // The National Interest. 2000. Spring, N 59.
26. Kaufmann W.A. Reasonable Defense. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1986.
27. McFarlane R. Effective Strategic Policy // Foreign Affairs. 1988. Vol. 67. №1.
28. NSDD-13. Nuclear Weapons Employment Policy. October 19, 1981. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-13.pdf>.
29. Pierard R. Civil religion and the presidency. Grand Rapids: Academie Books, 1988.
30. Reagan R. Address to the Nation on Defense and National Security. March 23, 1983. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/youtubeclip.php?clipid=41093&admin=40>.
31. Reagan R. Inaugural Address // US News and World Report. 1980. Nov. 26.
32. Reagan jokes about bombing Russia. August 11, 1984. URL: <http://www.history.com/this-day-in-history/reagan-jokes-about-bombing-russia>.
33. Shultz G. Turmoil and Triumph. Diplomacy, Power, and the Victory of the American Ideal. N.-Y.: Charles Scriber's Sons, 1993.
34. Soviet Diplomacy and Negotiations Behavior. 1977–1988: New Tests for U.S. Diplomacy. Vol. II. Washington, D.C.: Committee on Foreign Affairs, 1988.
35. Tucker R. Intervention and the Reagan doctrine. N.-Y.: Council on Religion and International Affairs, 1985.

REFERENCES

1. Alimov K.Z. *Ideologicheskie ustanovki vneshney politiki SSHA i mezhdunarodnoe pravo* [Ideological installation of US foreign policy and international law]. Tashkent: Fan, 1988. (In Russian)
2. Batyuk V.I. *Pochemu G. Trumen «poshchadil» SSSR* [Why Truman «spared» of the USSR] *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, 1996, no. 3. (In Russian)
3. Gajiev K.S. *Evolutsia osnovnykh techeniy amerikanskoy burzhuaznoy ideologii* [The evolution of the main currents of American bourgeois ideology]. Moscow, Nauka Publ., 1982. (In Russian)
4. Gorbachov M.S. *Zhizn' i reformy* [Life and Reforms]. Vol. 2. Moscow, Novosti, 1995. 656 p. (In Russian)
5. *Deystvuyushcheye mezhdunarodnoye pravo* [Existing international law]. Ed. by Kolosov Y. M. Vol. 2. Moscow, MNIMP Publ., 1997. (In Russian)
6. Dobrynin A.F. *Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentakh SSHA (1962–1986 gg.)* [Strictly confidential. Ambassador in Washington with six US presidents (1962–1986)]. Moscow, Avtor, 1996. (In Russian)
7. Dubinin Y.V. *Vremya peremen. Zapiski posla v SSHA* [Time for a change. Notes ambassador to the United States.] Moscow, AVIARUS-XXI, 2003. (In Russian)
8. Zamoshkin Y.A. *Lichnost' v sovremennoy Amerike: opyt analiza tsennostnykh i politicheskikh orientatsiy* [Person in modern America: the experience of value analysis and policy orientations]. Moscow, Mysl' Publ., 1980. (In Russian)
9. Kobrinskaya I.Y. *«Mozgovyye tresty» i vneshnyaya politika SSHA* [«Think tanks» and US foreign policy] Moscow, International Relations Publ., 1986. (In Russian)
10. Masinovskij V.E., Skakunov E.I. *Politicheskiye konflikty v sovremennykh usloviyakh* [Political conflicts in modern conditions]. *United States – economics, politics, history*, 1995, no. 4. (In Russian)

11. Melvil A.Y. *SSHA – sdvig vpravo? Konservatizm v ideyno-politicheskoj zhizni SSHA v 80-kh godakh* [US – shifting to the right? Conservatism in the ideological and political life of the United States in 80 years] Moscow, Nauka Publ., 1986. (In Russian)
12. Matlock J. *Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended*. Moscow, Valent Publ., 2005. 328 p. (In Russian)
13. *Pervyye pis'ma s «kholodnoy voyny»* [The first letters of «Cold War»]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*, 1990, no. 11. (In Russian)
14. Pechatnov V.O. *Sovetskiy Soyuz glazami amerikanskoy razvedki v 1950–1980-ye gody* [The Soviet Union through the eyes of US intelligence in the 1950–1980's]. *Novaja i novejschaja istorija*, 1996, no. 3. (In Russian)
15. Porshakov S.A. *Ideyno-politicheskaya evolutsia respublikanskoy partii* [Ideological and political evolution of the Republican Party]. *Problemy amerikanistiki. № 6: Sovremennyy jetap krizisa GMK v SShA: jekonomika, politika, ideologija*, Moscow, MGU Publ., 1988. (In Russian)
16. Potter U. *Takticheskoye yadernoye oruzhiye: postanovka problemy i nekotoryye rekomendatsii* [Tactical Nuclear Weapons: problem and some advice]. *Jadernyj kontrol'. Ijul'-avgust*, 2000, no. 4. (In Russian)
17. Rejgan R. *Zhizn' po-amerikanski* [Life is the American way]. Moscow, Novosti Publ., 1992. (In Russian)
18. Sokov N.N. *Mnogopolyusnyy mir v zerkale teorii mezhdunarodnykh otnoshenij* [Multipolar world in the mirror of international relations theory]. *SShA: jekonomika, politika, ideologija*, 1998, no. 7-8. (In Russian)
19. Trenin D.V. *Tretiy vozrast; rossiysko-amerikanskiye otnosheniya na poroge XXI veka* [Third Age; US-Russian relations on the threshold of the XXI century]. *Pro et Contra*, 2000, no. 2. (In Russian)
20. Shagov A.E. *Istoricheskij opyt organizacii i provedenija vooruzhennymi silami SShA psihologicheskikh operacij v hode lokal'nyh vojn i vooruzhennykh konfliktov v 1980-2000 gg.: Diss. kand. polit. nauk* [The historical experience of the organization and conduct of US military psychological operations in local wars and armed conflicts in 1980-2000 gg. Cand. watered. sci. diss. Moscow, 2004. (In Russian)
21. Shakleina T.A. *Koncepcii vneshnej politiki SShA posle okonchanija holodnoj vojny: Diss. dok. polit. nauk* [Concept of US foreign policy after the Cold War. Cand. pol. sci. diss.]. Moscow, 2003. (In Russian)
22. Department of State bulletin [85] / [by Department of State]. Washington, D.C.: Office of Public Communications, Bureau of Public Affairs, 1985.
23. Garthoff R. *The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1994.
24. Gillespie M., Lienesh M. *Religion and the resurgence of Conservatism // The resurgence of Conservatism in Anglo-American democracies*. Ed. by Cooper B. Durhame, London: Duke University Press, 1988.
25. Kagan R., Kristol W. *The Present Danger*. *The National Interest*, 2000, no. 59.
26. Kaufmann W.A. *Reasonable Defense*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1986.
27. McFarlane R. *Effective Strategic Policy*. *Foreign Affairs*, 1988, no. 1.
28. NSDD-13. *Nuclear Weapons Employment Policy*. October 19, 1981. Available at: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-13.pdf>.
29. Pierard R., Linder R. *Civil religion and the presidency*. Grand Rapids: Academie Books, 1988.
30. Reagan R. *Address to the Nation on Defense and National Security*. March 23, 1983. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/youtubeclip.php?clipid=41093&admin=40>.
31. Reagan R. *Inaugural Address*. *US News and World Report*, 1980, no. 26.
32. Reagan jokes about bombing Russia. August 11, 1984. Available at: <http://www.history.com/this-day-in-history/reagan-jokes-about-bombing-russia>.

33. Shultz G. Turmoil and Triumph. Diplomacy, Power, and the Victory of the American Ideal. N.-Y.: Charles Scriber's Sons, 1993.
34. Soviet Diplomacy and Negotiations Behavior. 1977–1988: New Tests for U.S. Diplomacy. Vol. II. Washington, D.C.: Committee on Foreign Affairs, 1988.
35. Tucker R. Intervention and the Reagan doctrine. N.-Y.: Council on Religion and International Affairs, 1985.

© Крысенко Д.С., 2016

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крысенко Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и права, Луганский Государственный университет имени Тараса Шевченко, Луганск,
e-mail: mamaj2@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Krysenko Dmitriy Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, docent of Political Science and Law deprtament, Lugansk State University named after Taras Shevchenko, Lugansk,
e-mail: mamaj2@rambler.ru